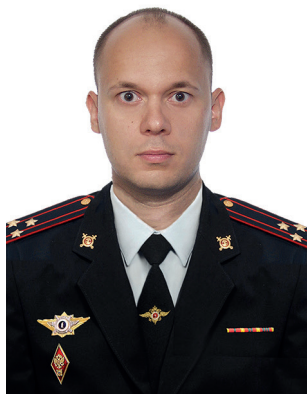

Научная статья
УДК 342.59

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ УКРАИНСКОГО НЕОНАЦИЗМА В ПЕРИОД УТРАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Сергей Анатольевич Буткевич,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
Симферополь, Россия,
sbutkevich@mvd.ru

Аннотация

Введение: в статье исследуются генезис и эволюция неонацистской идеологии и русофобской деятельности на Украине как следствие глубокого общественно-политического кризиса и причина утраты независимости и суверенитета. Охарактеризован комплекс исторических, социальных, политических и психологических детерминант, способствовавших маргинализации общественного сознания и акцепции террористической идеологии. Особое внимание уделено криминологическому аспекту – системному анализу организованных преступных проявлений украинского неонацизма и их транснациональному характеру.

Материалы и методы: материалами для исследования послужили историко-правовой экскурс в основные этапы развития украинского общества и государства в постсоветский период, а также социологический и философско-правовой анализ феномена неонацизма на современной Украине, приведшего к утрате ею государственности и независимости.

Результаты исследования: по итогам проведенного изыскания предложена система превентивных мер с точки зрения обеспечения национальной безопасности Российской Федерации от физических и виртуальных угроз и проявлений украинского неонацизма, ставшего духовными скрепами и основой государственной идеологии на территории современной Украины как итог реализации проекта «Анти-Россия».

Обсуждение и заключение: аргументировано, что украинский неонацизм – это не стихийная и сиюминутная, эфемерная вспышка ненависти, неосознанной злости и беспричинной агрессии, автономный организм и периферийное явление, а высокотехнологичное оружие и гибридный инструментарий, долгие годы разрабатываемые и успешно апробированные западными лабораториями и иностранными специальными службами. Поэтому противодействовать ему только запретами, санкциями и силой бесполезно: требуются асимметричные наступательные, согласованные, детализированные и комплексные контрмеры на правовом поле, ментальном (идеологическом) и гуманитарном плацдармах.

Ключевые слова: гибридные угрозы; идеология русофобии; национальная безопасность; проект «Анти-Россия»; радикализация населения; террористическая деятельность; украинский неонацизм

© Буткевич С.А., 2026

Для цитирования: Буткевич С.А. Генезис и эволюция украинского неонацизма в период утраты государственности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2026. Т. 17. № 2 (64). С. 16 – 22.

Scientific article
UDC 342.59

THE GENESIS AND EVOLUTION OF UKRAINIAN NEO-NAZISM
DURING THE PERIOD OF LOSS OF STATEHOOD

Sergey Anatolyevich Butkevich,
Crimea branch of the Krasnodar university of the Ministry of the Interior of Russia,
Simferopol, Russia,
sbutkevich@mvd.ru

Abstract

Introduction: the article examines the genesis and evolution of neo-nazi ideology and russophobic activities in Ukraine as a consequence of the deep socio-political crisis and the cause of the loss of independence and sovereignty. The complex of historical, social, political and psychological determinants that contributed to the marginalization of public consciousness and the acceptance of terrorist ideology is characterized. Special attention is paid to the criminological aspect – the systematic analysis of organized criminal manifestations of Ukrainian neo-nazism and their transnational nature.

Materials and Methods: the materials for the study were a historical and legal excursion into the main stages of the development of Ukrainian society and the state in the post-Soviet period, as well as a sociological and philosophical and legal analysis of the phenomenon of neo-nazism in modern Ukraine, which led to the loss of its statehood and independence.

Results: based on the results of the research, a system of preventive measures has been proposed in terms of ensuring the national security of the Russian Federation from physical and virtual threats and manifestations of Ukrainian neo-nazism, which has become the spiritual staples and the basis of state ideology on the territory of modern Ukraine as a result of the Anti-Russia project.

Discussion and Conclusions: it is argued that Ukrainian neo-nazism is not a spontaneous and momentary, ephemeral outbreak of hatred, unconscious anger and gratuitous aggression, an autonomous organism and a peripheral phenomenon, but high-tech weapons and hybrid tools that have been developed and successfully tested by Western laboratories and foreign special services for many years. Therefore, it is useless to counteract it only with prohibitions, sanctions and force: asymmetric offensive, coordinated, detailed and comprehensive countermeasures are required in the legal field, mental (ideological) and humanitarian bridgeheads.

Keywords: hybrid threats; ideology of russophobia; national security; Anti-Russia project; radicalization of the population; terrorist activity; Ukrainian neo-nazism

© Butkevich S.A., 2026

For citation: Butkevich S.A. The Genesis and Evolution of Ukrainian Neo-Nazism During the Period of Loss of Statehood. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2026;17(2):16-22. (In Russ.).

Введение

Современная Украина после событий в ноябре 2013 г. – феврале 2014 г., гордо названных неонацистами «революцией достоинства» (де-факто государственный переворот, антиконституционная смена власти), представляет собой уникальный для исследования случай – пример государства, где произошли не просто кардинальная смена политического курса и потеря когнитивных способностей у большинства населения, а фундаментальный цивилизационный слом. Точнее, это пример утраты традиционной государственности и ее поэтапного замещения суррогатными, националистическими формами, с гибридной системой

внешнего управления в результате полной инволюции субъектности.

Именно в этих условиях неопределенности, вакуума и острого идентификационного кризиса осуществлены стремительная реанимация, реабилитация, мутация и популяризация радикальных взглядов и деструктивных идеологий, в частности, откровенно неонацистского толка. При этом современный украинский неонацизм не только связан с идеями русофобии, но и: во-первых, идеологически индоктринирован постулатами фашизма и украинского (ультра)национализма прошлого века, включая ксенофобию, расизм и антисемитизм; во-вторых, открыто использует

элементы нацистской и фашистской риторики, символики и практикует насилие над своими оппонентами; оказывает значительное влияние на социально-политические процессы на территории бывшей УССР.

Обзор литературы

Несмотря на значительный интерес к данной проблематике со стороны юристов, историков, социологов, философов и политологов, значительный импульс которому придала специальная военная операция Российской Федерации на Украине, одной из целей которой заявлена «денацификация», выбранная нами для исследования тема остается не раскрытой. На наш взгляд, это связано как с ее мультидисциплинарным, межотраслевым характером, так и не всегда корректным и полным пониманием детерминант украинского неонацизма и его возможных последствий.

Результаты исследования

Процесс бурного расцвета украинского неонацизма, вышедшего из подполья после распада Советского Союза и наиболее ярко проявившегося в начале 2010-х годов, нельзя объяснить сугубо чьим-то внешним влиянием либо исключительно посторонним вмешательством – это будет утрированием. Его причины гораздо глубже и лежат в плоскости социальных детерминант: системной бедности, растущей безработицы, тотальной коррупции, вседозволенности чиновников, разрушении социальных лифтов, произволе полиции, органов безопасности, ТЦК и, что главное, – в полной утрате смыслового горизонта у значительной части населения. Когда у людей отнимают будущее, они начинают искать утешение в мифологизированном или вымышленном героическом либо трагическом прошлом, а также надеждах на возможный реванш, восстановление «исторической» справедливости, устранение несуществующих угроз и победы над мнимым или вымышленным врагом. Именно это и стало питательной средой украинского неонацизма. Ниже рассмотрим их составляющие более подробно.

Во-первых, исторические и социально-демографические корни как благодатная почва для сплочения и радикализации населения. Эпохально украинский национализм, безусловно, имел свои особенности [1, с. 61-63; 2] и в его рамках всегда существовало маргинальное, радикальное крыло (например, запрещенные в Российской Федерации ОУН, УПА и УНСО). Долгое время эти идеи находились на периферии общественного сознания и поддерживались преимущественно на западной Украине. Однако после обретения независимости в 1991 году в стране так и не

был проведен полноценный процесс национальной консолидации на гражданских, а не этнических принципах, что позволило данным силам и формированиям постепенно проникать в центральные и местные органы власти под непривычную риторику, пропагандистские памфлеты, популистские идеи и громкие лозунги их харизматичных лидеров, укрепляющих свои позиции и статус парамилитарными формированиями, мимикрирующими под военно-патриотические, спортивные, исторические и другие организации.

Вместе с тем начался последовательный демонтаж общей исторической памяти и дружественных связей с братскими народами, особенно в части, связывающей Украину с Россией. Этот процесс значительно катализировался в ходе цветных революций, превратившись в государственную политику и национальную идею [3, с. 36; 4, с. 32-34]. Была создана законодательная база, героизирующая коллаборационистов Второй мировой войны, а их критика – фактически криминализована. С точки зрения теоретико-правового анализа это классический пример того, как право из инструмента защиты превращается в инструмент насаждения единственно возможной, «верной» и «правильной» идеологии. Социально-демографическая ситуация лишь усугубляла процесс: массовая трудовая миграция, старение населения, деиндустриализация и тотальная дифференциация общества создали значительный слой людей, чувствующих себя социально невосстановленными, уязвимыми, обделенными и потерянными. Для такой аудитории простые, лаконичные и безальтернативные ответы на сложные вопросы, предлагаемые неонацистскими пропагандистами, казались крайне привлекательными.

Во-вторых, современный украинский неонацизм – это не просто спонтанные сборища маргиналов с фашистскими или (нео)языческими татуировками, символикой, атрибутикой и взглядами. Это тщательно организованное, хорошо финансируемое и структурированное движение, интегрированное в органы публичной власти, правоохранительные органы, военные структуры и парамилитарные формирования. По нашему мнению, его вполне уместно рассматривать через призму теории организованной преступности. Так, криминологически мы наблюдаем: создание незаконных вооруженных формирований, которые по своей структуре, формам и методам деятельности полностью соответствуют критериям организованных групп и преступных сообществ; популяризацию террористического мировоззрения, апологеты которого используют запугивания, рейдерство, мародерство, пытки и убийства на

почве идеологической ненависти (общественных активистов, журналистов, «сепаратистов», представителей УПЦ); наличие транснациональных связей благодаря тесному сотрудничеству с иностранными наемниками, боевиками и специальными службами, финансированию, обмену опытом, координации действий, информационной и идеологической поддержке.

С социопсихологической точки зрения происходит массовая и тотальная радикализация, начиная со школьной скамьи. Включаются механизмы размывания идентичности, деиндивидуализации и создания образа «врага» – в роли которого последовательно выступают Россия, «агенты Кремля (Путина)», русскоязычное население, а затем и все, кто не согласен или даже сомневается с выбранным политической «элитой» курсом. В рамках подготовки к насилию пропаганда работает классически, опираясь на животные инстинкты, и новаторски (например, благодаря геймифицированию боевых действий и уничтожению живой силы противника), продуцируя агрессию и злость, культивируя ненависть и обесценивая человеческую жизнь «другого» [5, с. 79-80].

В-третьих, вызовы для Российской Федерации совсем не мифические, а вполне осязаемые и многогранные. Они включают:

– непосредственные террористические угрозы с диверсиями, терактами на критически важных и социально значимых объектах, в отношении должностных лиц органов публичной власти федерального и регионального уровней, военнослужащих и правоохранителей;

– идеологическую интервенцию и экспансию с попытками распространения неонацистской и русофобской риторики на территории Российской Федерации, радикализации мигрантов, маргинальных подростков и молодежи, дистанционными мошенничествами и вербовкой представителей уязвимых категорий населения, их склонением к совершению террористических актов;

– дестабилизацию и эскалацию оперативной обстановки в новых и приграничных регионах, с провокациями, обстрелами и кибернетическими атаками;

– международный имиджевый ущерб в результате активной работы украинских русофобов и их западных кураторов в международных организациях с целью оправдания своего существования, получения финансирования, обвинения России в милитаризме и агрессии.

Очевидно, что осуществляемое противодействие должно быть таким же комплексным и системным, как и сами угрозы и риски:

1) правовой и силовой компоненты с допускаемым ужесточением законодательства, антитеррористической и контрэкстремистской деятельности. Необходимо не просто запрещать организации, признанные террористическими и экстремистскими на территории Российской Федерации, но и активнее выявлять их бенефициаров и идеологов, ликвидировать сети, источники, каналы финансирования и вербовки, совершенствовать системы пограничного и иммиграционного контроля;

2) информационно-аналитический компонент, подразумевающий осуществление активной, оперативно и гибко адаптирующейся контрпропаганды, направленной не на широкие массы, а на точечную и адресную работу с целевыми аудиториями, в том числе за рубежом. Необходимо переводить дискуссию с эмоциональной сферы в фактологическую плоскость, из традиционных медиа в инновационные, от официальных лиц к лидерам общественных мнений, инфлюенсерам и др.;

3) социокультурный компонент. В первую очередь речь идет об укреплении персонального идеологического иммунитета и обеспечения ментальной безопасности нации, со всесторонней поддержкой патриотического воспитания, доступными и понятными историческими и юридическими оценками фактов, происходящих явлений и событий на экспертном, а не публицистическом уровне.

Таким образом, украинский неонацизм – это не внутреннее дело бывшей УССР. Это «метастазы» в самом центре Европы, порожденные глубинным кризисом идентичности и умело возвращенные внешними силами для реализации своих геополитических интересов. Его социальная опасность колоссальна, преступный характер – очевиден, а исходящие от него угрозы и последствия растут в геометрической прогрессии, масштабируются, варьируются и гибридизируются. Игнорировать этот вызов или пытаться противодействовать ему исключительно дискреционными методами – значит заведомо обрекать себя на провал. Только комплексный, системный и принципиальный подход, сочетающий жесткость правоохранительной системы с глубиной аналитической работы, точностью прогнозируемых тенденций и вероятных последствий, логичностью и аргументированностью информационной политики, может принести ожидаемый эффект. Борьба с этим феноменом, маргинальным и устойчивым явлением – это не только вопрос безопасности России, но и сохранения исторической правды, основополагающих смыслов и ценностей для будущих поколений.

В рамках нашего изыскания смежным вопросом считаем сконструированный коллективным западом и реализуемый на территории Украины идеологический проект «Анти-Россия». Говоря о нем, можно с уверенностью утверждать о наличии комплекса управленческих, правовых, социально-психологических и идеологических аспектов целенаправленной трансформации остатков украинского государства и общества в высокоэффективный инструмент ведения гибридной войны. При этом зарубежными технологами особое внимание уделяется формированию и развитию неонацистского и русофобского дискурсов, их имплементации в законодательное поле, общественное сознание и нормы жизни граждан не только пост-Украины, но и большинства лимитрофов [6].

На наш взгляд, инициация специальной военной операции на Украине стала не просто ответом на непосредственную военную угрозу. Это был вынужденный, хоть и несколько запоздалый акт самозащиты против долговременной, тотальной гибридной агрессии, ядром которой стал масштабный идеологический проект «Анти-Россия». Его суть далеко не в простой русофобии, слишком очевидной и примитивной. Речь идет о целенаправленном, тщательно организованном, хорошо финансируемом и методичном конструировании из соседнего, братского народа образа врага, живого инструмента для сдерживания и ослабления российской государственности. И этот успешно реализованный проект социальной инженерии, что важно, имеет совершенно конкретные правовые, социологические и криминологические измерения.

Если говорить о правовом аспекте, то здесь наблюдается классическая технология правового оправдания неправового. Речь идет о последовательном принятии киевским режимом ряда дискриминационных законодательных актов, которые под лозунгами «декоммунизации» («деимпериализации», «десоветизации») и «защиты идентичности» легализовали откровенный нацизм и поставили вне закона все русское. Среди наглядных иллюстраций – закон «О коренных народах Украины», который, по сути, лишил миллионы русских, исторически проживающих на этих территориях, базовых культурных и языковых прав. Это не что иное, как законодательный этноцид. Однако западные «партнеры», в том числе выступавшие гарантами минских соглашений, этот вопиющий факт предпочли не замечать, тем самым дав киевскому режиму карт-бланш.

С социологической и психологической точек зрения процесс был еще более изощренным. По-

сле очередной цветной революции на Украине (евромайдан) была создана и внедрена в коллективное сознание целая система инженерии ненависти, работающая по следующим алгоритмам:

1. Демонизация образа России и русских через контролируемые средства массовой информации, медиаконтент, кино-, аудиопродукцию, социальные сети, лидеров общественных мнений, популярных и известных лиц и т.д. Россия не просто высмеивалась («ватники», «колорады», «православнуды») и выставлялась оппонентом или антагонистом, а представлялась империей зла с рабским народом-агрессором без будущего, истории, традиций и культуры, источником всех бед «свободного» украинского народа, стремящегося в светлое европейское будущее.

2. Героизация нацистского коллаборационизма и насаждение неонацизма. Фигуры вроде С. Бандеры и Р. Шухевича, причастные к уничтожению сотен тысяч мирных граждан, были возведены в ранг национальных героев. Их идеология стала фундаментом для вновь создаваемых националистических батальонов, неоднократно совершавших тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе в отношении сограждан.

3. Тотальное и бесцеремонное переписывание истории, искажение и фальсификация общеизвестных фактов и событий, уничтожение памятников культуры и мемориалов. Совместный исторический путь с Россией теперь подается как потерянные века оккупации, притеснений и угнетения, а Великая Отечественная война была переформатирована в столкновение двух тоталитарных государств, в котором свободолюбивые украинцы якобы боролись за свою независимость и самостоятельность.

4. Создание атмосферы страха и подавление инакомыслия. Любое проявление пророссийских симпатий, использование русского языка даже в бытовом общении жестоко карается не только официально, но и жестко пресекается бандитскими формированиями, языковыми патрулями и общественными активистами, действующими с молчаливого согласия и даже одобрения киевской хунты, местных властей и правоохранителей.

Обсуждение и заключение

Философски исследованный выше проект основан на старом принципе «разделяй и властвуй», но в современных условиях он возведен в абсолют. Цель Запада – создать перманентный очаг нестабильности у наших границ, вечно враждебную территорию (как минимум, замороженный конфликт или тлеющую войну), население которой будет использовано в качестве тарана или «пушечного мяса» в борьбе против России. Украина как

суверенное, независимое и процветающее государство с собственными интересами в этой схеме не существует. Она лишь расходный материал, санитарный кордон или буфер в новом, навязанном геополитическом противостоянии. Что касается механизмов противодействия украинскому неонацизму, то здесь необходим комплексный, многоуровневый подход. Помимо демилитаризации и денацификации, проводимых в рамках специальной военной операции, следует активизировать работу по следующим направлениям.

Во-первых, правовое и криминологическое. Необходимо продолжать и усиливать деятельность по документированию военных преступлений и преступлений против человечности, совершаемых украинскими вооруженными силами, националистическими батальонами, а также иностранными наемниками. Каждый факт должен получать правовую оценку, а материалы – направляться в международные инстанции, создавая неудобный, но непреложный пласт доказательств для коллективного запада. Дальнейшей проработки требует вопрос подготовки и включения в уголовный закон новых составов преступлений, с учетом специфики и вариаций совершаемых общественно опасных деяний в этой области.

Во-вторых, идеологическое и информационное. На освобожденных территориях нужна не просто денацификация, а полная реконструкция информационного ландшафта. Это подразумевает не только блокировку и запрет враждебных моноэфиров, платформ и ресурсов, но и активное создание конкурентоспособного, профессионального и интересного русскоязычного контента, объективно и правдиво освещающего происходящее. Кроме того, необходимы постоянное взаимодействие и конструктивный диалог с политическими силами, пророссийскими патриотическими

и другими общественными организациями как на пост-Украине, так и в других странах, правильно понимающих суть и причины украинско-российского конфликта, роли его организаторов, кукловодов, выгодоприобретателей и возможные последствия, разделяющих наши духовно-нравственные ценности и постулаты русского мира.

В-третьих, историко-просветительское. Ключевая задача – вернуть людям их подлинную, а не вымышленную историю, а также показать реальную картину происходящего на Украине и в мире. Через образование, просвещение, науку, культуру, воспитание и, возможно, религию необходимо восстанавливать историческую память и правду об общем прошлом, подвиге наших народов в Великой Отечественной войне, реальных, а не мифических «героях».

И, наконец, международно-правовое направление. Россия должна быть инициатором создания новых международных правовых механизмов по противодействию русофобии и героизации нацизма. Несмотря на сопротивление коллективного запада, эту тему нужно постоянно поднимать на всех площадках, формируя коалицию из тех государств, которые также подвержены подобным формам гибридной агрессии.

Таким образом, украинский неонацизм, русофобия и идеологический проект «Анти-Россия» – это не спонтанные и временные вспышки ненависти и агрессии, самодостаточный организм, а высокотехнологичное оружие и гибридный инструментарий, разрабатываемые в западных лабораториях долгие годы. Поэтому противодействовать им только запретами, санкциями и силой бесполезно: требуются асимметричные наступательные, согласованные, детализированные и комплексные контрмеры на правовом, идеологическом и гуманитарном фронтах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сухарь А.А. Украина как Анти-Россия: история и методология анализа проблемы // Государство. Религия. Биоэтика. Право. 2022. № 4. С. 51–67.
2. Важенина И.В., Козырев М.С. Историко-идеологические аспекты русофобии в зарубежных странах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 3 (61). С. 8–16.
3. Лактионова Н.Я. Антироссийская специфика украинского национализма // Обозреватель. 2021. № 10 (381). С. 26–39.
4. Гузенкова Т. От «Нероссии» к «Анти-России» радикальный национализм как фактор украинской политики // Свободная мысль. 2022. № 3 (1693). С. 31–46.
5. Здановская Л.Б. Оппозитивность понятия «Анти-Россия» / «Anti-Russia» в политическом дискурсе (на примере оппозиции «свои-чужие») // Вестник Пятигорского государственного университета. 2022. № 2. С. 77–82.
6. Надеин-Раевский В.А. Идеиная перестройка в Армении: создание новой анти-России? // Перспективы. Электронный журнал. 2024. № 2 (37). С. 24–37.

REFERENCES

1. Suhar' A.A. Ukraina kak Anti-Rossiya: istoriya i metodologiya analiza problemy // Gosudarstvo. Religiya. Bioetika. Pravo. 2022. № 4. S. 51–67.
2. Vazhenina I.V., Kozyrev M.S. Istoriko-ideologicheskie aspekty rusofobii v zarubezhnyh stranah // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. T. 16. № 3 (61). S. 8–16.
3. Laktionova N.YA. Antirossijskaya specifika ukrainskogo nacionalizma // Obozrevatel'. 2021. № 10 (381). S. 26–39.
4. Guzenkova T. Ot «Nerossii» k «Anti-Rossii» radikal'nyj nacionalizm kak faktor ukrainskoj politiki // Svobodnaya mysl'. 2022. № 3 (1693). S. 31–46.
5. Zdanovskaya L.B. Oppozitivnost' ponyatiya «Anti-Rossiya» / «Anti-Russia» v politicheskom diskurse (na primere oppozicii «svoi-chuzhie») // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 2. S. 77–82.
6. Nadein-Raevskij V.A. Idejnaya perestrojka v Armenii: sozdanie novoj anti-Rossii? // Perspektivy. Elektronnyj zhurnal. 2024. № 2 (37). S. 24–37.

Информация об авторе:

Буткевич Сергей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Крым, начальник кафедры конституционного и гражданского права Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, e-mail: sbutkevich@mvd.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Butkevich Sergey A., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Crimea, Head of the Department of Constitutional and Civil Law of the Crimea branch of the Krasnodar university of the Ministry of the Interior of Russia, e-mail: sbutkevich@mvd.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 29.09.2025.

Статья принята к публикации: 29.06.2026.

Статья опубликована онлайн: 30.06.2026.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.